

ЕГО УКРАИНСКИЕ ВЁРСТЫ

«Вы сильно огорчите меня, если не приедете в Украину».

(Из письма А. П. ЧЕХОВА).

В 1919 году Херсонский уездный отдел внешкольного образования выпустил небольшую книжечку: Чехов. Книжечка быстро разошлась, и в 20-м году ее выпустили повторно. Эти книжечки стали одними из первых, если не первыми, послеоктябрьскими изданиями Чехова на украинском языке. Спустя 10 лет — трехтомник. Выпустило его республиканское издательство «Книгоспілка», редактировал издание Максим Рыльский, и под его же редакцией вышло первое издание Чехова на освобожденной от фашистских оккупантов украинской земле в 1944-м.

В истоках украинской Чеховианы — Михайло Коцюбинский (известен его перевод «Ваньки»: «Івасик»), Иван Франко (он особенно много сделал для популяризации творчества Чехова на Украине). Русского классика переводили на мову Тараса А. Головка, П. Панч, А. Копыленко, С. Складенко, О. Вишня, И. Сенченко, О. Гончар, В. Козаченко и другие украинские советские писатели.

Бабка Чехова была украинкой, однако любовь и магнетическая тяга Антона Павловича к Украине отнюдь не генетического порядка. Этот человек, 130-летие со дня рождения которого мы отмечаем, был интернационалистом по духу, интернационалистом в самом высоком, гуманном, благородном смысле этого слова — и потому дорог всем.

ПЛЕМЯННИК писателя Сергей Михайлович Чехов, по профессии художник, работая над исследованием «Родословная Чеховых», добрался в своих разысканиях до конца XVII века. Глубже — догадки, версии, легенды. Одна из них: к роду Чеховых, выходцев из Московской Руси, принадлежал знаменитый русский литейщик, живший при Иване Грозном и Годунове и отливший за свою жизнь полторы тысячи пушек, в том числе всеветно знаменитую кремлевскую Царь-пушку. На этой пушке сохранился авторский знак: «Ондрей Чохов». «Но значило ли это, что наши предки происходили от него?» Легенда...

А вот достоверное. Дед писателя Егор Михайлович Чехов был крепостным господ Чертковых. Не будь 1861 года (отмена крепостного права), могло статься, что внук Егора Михайловича значился бы в крепостных внука барского, известного нам многолетней «дружбой-враждой» со Львом Толстым. Впрочем, Егор Михайлович откупился от Чертковых задолго до царской реформы. Человек сильной воли и большой сметки, он умом и горбом скопил большую по тем временам сумму в 875 рублей серебром и за это серебро выкупил на волю себя и свою семью, кроме дочки Александры. На дочку не хватило денег, и прощаясь с баринством, крестьянин попросил его не продавать дочку на сторону, подождать.

Чертков не стал мелочиться: «Так уж и быть, бери ее впридачу».

Супругой Егора Михайловича, и, стало быть, родной бабкой Антона Павловича была Евфросинья Емельяновна Шимко, крепостная крестьянка из села Зайцевки, украинка. С. М. Чехов писал о ней: «Мужа своего боялась, называла его «вы», а за глаза «они», ходила в украинской свитке и очипке, была простодушна, навивно верила в нечистую силу. После рождения младшего сына пешком ходила «по обещанию» из Ольховатки в Киев на поклонение святыням». Евфросинья Емельяновна была неграмотна, Егор же Михайлович не только сам обучился грамоте, но и постарался дать возможное для крепостных образование всем сыновьям.

Сохранилось письмецо Егора Михайловича из Волчьей Балки (село тогдашней Харьковской губернии, где он служил конторщиком в имении графа Платова), в коем он желал всяческого благополучия своему новорожденному внуку Антонию.

Из письма А. П. Чехова другу-литератору:

«Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеченный, ходивший по урокам без калаша, дравшийся, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривших и богу и людям без всякой надобности, только из

сознания своего ничтожества, — напишите, как этот молодой человек выдвигает из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая...».

Это он о себе самом.

В РУССКОМ просторечье украинцев издавна прозывали хохлами. Поводом, видимо, послужили казацкие чубы «оселедцы». Ну и пошло-поехало. Прозвище незлобивое, добродушное, нисколько не обидное. Смешно обижаться, если на тех же воронежских землях, где укоренились Чеховы (по берегам Черной Калитвы), русские и украинцы бог весть с каких времен жили бошь-обочь и российско-украинских семейств (как у деда с бабкой Антона Павловича) было великое множество. К слову, Воронежская губерния оставила в наследство нынешней Воронежской области село под названием Хохол, — сейчас это «пгт», центр Хохольского района.

Современники отмечали в натуре Чехова нечто «хохлацкое». Употреблял это просторечное словечко и сам Антон Павлович. Зимой 1888 года, когда Чеховы (уже давно москвичи) засобирались семейством полетовать в деревню, Антон Павлович пишет приятелю: «Мать и батка, как дети, мечтают о своей Хохландии. Отец ударился в лирику и категорически заявляет, что ему ввиду его преклонных лет хотелось бы «проститься» с родными местами».

Мать и батка... И самого манила Украина! «Я готов отказаться от многого, — пишет он поэту А. Н. Плещееву, — чтобы только вместе с Вами прокатиться в Украину...».

И вот Чеховы в Луке под Сумами.

В письмах из «теплого и зеленого далека» — сплошные восторги.

В адрес В. Г. Короленко: «Посылаю Вам, милый Владимир Галактионович, свою книжицу и напоминаю Вам, кстати, о Вашем обещании побывать на Псле. Уж очень у меня хорошо, так хорошо, что и описать нельзя!».

А. Н. Плещееву: «Были мы в Полтавск. губ. Все время на встречу попадались такие чудные, за душу хватающие пейзажи и жанры, которые поддаются описанию только в романе или в повести, но никак не в коротком письме. Ах, если бы Вы были с нами... Если бы Вы видели места, где мы ночевали, восьми и десятиверстные села, которыми мы проезжали...».

Чехов не сидел сиднем в Луке. «Был я в Лебедине, в Гадяче, в Сорочинцах и во многих прославленных Гоголем местах. Что за места! Я положительно очарован... Проехал я в коляске 400 верст, ночевал в десяти местах... Все, что я видел и слышал, так ново, хорошо и здорово, что во всю дорогу меня не оставляла обворожительная мысль — забросить литературу... засесть в каком-нибудь селе на берегу Псла и заняться медициной».

Чехова восхищает не только благоуханная природа. «Кроме природы, ничто не поражает меня так в Украине, как народное здоровье, высокая степень развития здешнего мужика, который и умен, и религиозен, и музыкален, и трезв, и нравственен». «Нищих нет. Пьяных я еще не видел, а матерщина слышится очень редко, да и то в форме более или менее художественной».

«Народ... веселый, разговорчивый, остроумный».

Еще в детстве Чехов познал прелесть и величие донецкой степи. «...Краматоровка, Бахмут, Зверево. Это фантастический край, — писал он за несколько лет до смерти. — Донецкую степь люблю и когда-то чувствовал себя в ней, как дома, и знал каждую балочку. Когда я вспоминаю про эти балочки, шахты, Саур-могилу... мне становится грустно».

Чехов мечтал «попутешествовать вдоль и поперек Хохландии от Дона до Днепра». «...Поеду в Киев, оттуда вниз по Днепру в Екатеринослав, потом в Александровск и так до Черного моря».

Не выпало...

ДЕТСТВО Чехова прошло в разномыслии Таганроге: русские, украинцы, греки, армяне, евреи, немцы, ассирийцы и т. д. Одно из отроческих впечатлений: «Москаль-чарівник» Котляревского. Представление было разыграно в доме Чеховых (самодеятельность тех времен).

Отправляясь путешествовать «по Европам», Чехов покупает во Львове два тома Шевченко.

В Москве он ходил на спектакли с участием Марии Заньковецкой. Она играла Харитину и Олену в пьесах Тобиловича и Кропивницкого. Был потрясен: «Заньковецкая — страшная сила». В одном из писем упоминает: «Я познакомился с хохлацкой королевой Заньковецкой, которую Украина не забудет».

Много лет спустя Заньковецкая напишет в своих воспоминаниях, как Чехов уговаривал ее выступить на русской сцене (мечтал увидеть ее в образе Заречной?). Заньковецкая, считавшая Чехова украинцем, по ее словам, «стыдила его, что он, сам украинец, а подговаривает меня к измене. Журила его, что он не пишет на родном языке». Чехов пообещал актрисе написать пьесу, «в которой для меня будет роль исключительно на украинском языке». (Чеховская драматургия впервые вышла на украинскую сцену 15 марта 1946 года: в один и тот же вечер состоялись две премьеры — «Вишневый сад» в Киевском театре имени И. Франко и «Три сестры» во Львовском театре имени М. Заньковецкой).

Чехов знал и любил украинский язык, брал его в свою прозу.

Несколько строк из «Степи»: «...Увидел я ее на ярмарке в Калачике, полюбил досмерти, хоть на шибеницу полезай... Засылаю к ней сватов, а она: не хочу! Накажи меня бог, не брешу».

— Самым дорогим, на всю жизнь пленившим меня произведением Чехова была и остается его благоуханная «Степь», — как-то признался Максим Рыльский.

Степь... «Загорелые холмы, буро-зеленые, вдали лиловые, со своими покойными, как тень, тонами, равнина с туманной далью и опрокинутое над ними небо...». Под этим небом, на равнинах Приазовья, начались украинские версты Чехова.

Изменился лик земли, переменялась жизнь на ней, но не гаснут краски на картинах великого художника, светит нам его мысль и бессмертно бьется нежное, чуткое, милосердное сердце.

А. ПОВНИЦА.